

Ученикам дворца Юньцзи стоило немалых трудов зачистить окрестности ломбарда Пинцяо от всех оживших мертвецов. Тот самый молодой господин, что приманил нежить, в итоге сам же от них и погиб. Глубокой ночью, вместо того чтобы оставаться в своей комнате, он неведомо зачем покинул дом. Как раз в этот момент один из мертвецов выбил заднюю дверь, ворвался внутрь и утащил парня с собой.

Молодой господин владел лишь парой простеньких заклинаний, не имел ни навыков самосовершенствования, ни боевых искусств. Мертвецы волокли его несколько ли до самого кладбища, где они сбивались в стаи, и там несчастного загрызли насмерть.

Когда ученики Юньцзи добрались до того места, молодой господин был уже мертв, а его тело превратилось в жуткое зрелище. Это была чистой воды расплата за содеянное, и жалеть его никто не стал.

Закончив с мертвецами, ученики поспешили в путь к озеру Дунши. На полпути они встретились с господином Воци, который спешил к ним на соединение.

Увидев, что Цзычэ Уци вернулся, Сюнь Юйци просиял:

— Учитель, вы наконец пришли.

— Что-то случилось? — сухо спросил Цзычэ Уци, чье лицо отнюдь не выражало такой же радости.

Сюнь Юйци ответил:

— Учитель, по пути мы встретили моего брата! Только вот...

Дунфан в недоумении замер. Брат Сюнь Юйци? Разве это не Июй? Но Июй ведь должен был умереть — Дунфан сам лично отравил его чаркой ядовитого вина, что тоже стало закономерным возмездием. Да и других братьев, кроме Июя, у Сюнь Юйци не было.

Цзычэ Уци нахмурился:

— Июй?

— Да, учитель, помните моего брата? Это Июй. Только вот... — лицо Сюнь Юйци омрачилось печалью. — Не знаю, что с ним произошло, но он ранен и... кажется, совершенно не помнит того, что было раньше.

Не умер, ранен, да еще и потерял память...

Дунфан был ошарашен еще сильнее, когда услышал слова Цзычэ Уци:

— Где он? Веди меня, я хочу на него взглянуть.

Сюнь Юйци поспешно ответил:

— Учитель, сюда.

Цзычэ Уци, бережно неся нефритовый ларец, поднялся вместе с Сюнь Юйци наверх. По словам Сюнь Юйци, они случайно наткнулись на потерявшего память Июя по дороге к озеру Дунши. Тот их совсем не узнал, и лишь когда один из учеников опознал в нем Июя, Сюнь Юйци бросился в погоню.

Сюнь Юйци с тревогой добавил:

— Брат даже меня не узнает.

Цзычэ Уци промолчал. Войдя вслед за Сюнь Юйци в комнату, они увидели, что в ней царит тишина. На кровати лежал молодой человек.

Он закрыл глаза, его лицо было бледным, но черты лица в точности повторяли лицо Сюнь Юйци — это был Июй, сомнений нет.

Наблюдая из пределов призрачной иллюзии, Дунфан не знал, что и чувствовать. Июй действительно выжил? Но ведь тогда он собственными глазами видел, как тот испустил дух после выпитого яда.

Сюнь Юйци быстро подошел к кровати и легонько потряс Июя за плечо:

— Брат, проснись! Скорее, посмотри, кто пришел тебя навестить. Проснись же.

Июй издал невнятный стон, нахмурился и, медленно открыв глаза, приподнялся на кровати.

Цзычэ Уци вошел в комнату и остановился в нескольких шагах от кровати. Он не сводил с Июя глаз, но взгляд его был настолько холодным и бесстрастным, что невозможно было понять, о чем он думает.

Июй проснулся, оглядел вошедших — сначала Сюнь Юйци, затем Цзычэ Уци. Его зрачки быстро забегали, и в глазах мелькнула растерянность.

Тихим голосом Июй спросил:

— Это... кто?

Сюнь Юйци поспешно отозвался:

— Брат? Ты что, даже учителя не помнишь?

При виде незнакомцев Июй выглядел как испуганный кролик. Впрочем, Дунфан знал: Июй и раньше любил прикидываться невинным зверьком, но сейчас это выглядело еще более искусно.

Июй покачал головой и украдкой взглянул на Цзычэ Уци:

— Не помню. Юйци... мне нехорошо, голова сильно болит... Можно мне еще отдохнуть? Я хочу... побыть один.

Сюнь Юйци посмотрел на него с недоверием. В конце концов, любовь Июя к Цзычэ Уци никогда не была секретом — по крайней мере, для самого Сюнь Юйци.

Когда много лет назад Дунфан откололся от секты и основал свою собственную, Июй ушел вместе с ним. Тогда Сюнь Юйци решил, что брат сошел с ума, но позже узнал, что Июй был шпионом. Июй сам связывался с ним, чтобы сообщить о своих целях.

Дунфан не был глупцом. Еще до того, как Июй связался с Сюнь Юйци, он прекрасно понимал, зачем тот остается рядом — все ради того самого свитка Лунцзя Шэньчжан.

Однако Дунфан не спешил срывать с Июя маску, предпочитая наблюдать, как тот каждый день притворяется покорным и послушным.

Почему он не разоблачил его?

Возможно, потому что это было слишком забавно, как однажды подумал сам Дунфан.

Человек, который ненавидит тебя, презирает и желает тебе зла, вынужден улыбаться тебе мягко и нежно, выполнять все твои приказы и каждый день дрожать от страха, гадая, не раскрыли ли его.

Наверное, нет ничего более унижительного на свете, и Дунфан считал это крайне интересным.

Конечно, была и другая причина: Дунфану было слишком одиноко.

В детстве, во дворце Юньцзи, у него были друзья. Были соученики, старшие и младшие сестры, сверстники. Но ради мести в одночасье он лишился всего, и те, кого он считал друзьями, стали тыкать в него пальцами и проклинать.

Иногда на него накатывало чувство одиночества.

Но с тех пор, как он превратился в книгу, это чувство исчезло. Господин Воци постоянно

подкидывал ему сюрпризы — порой приятные, порой пугающие, — заставляя Дунфана вертеться, как белку в колесе, так что на тоску просто не оставалось времени.

Сюнь Юйци, услышав слова Июя, замялся и посмотрел на стоявшего позади Цзычэ Уци:

— Учитель, это...

— Выйди, — произнес Цзычэ Уци.

Сюнь Юйци замер, еще раз взглянул на Июя и кивнул:

— Слушаюсь... учитель.

Увидев, что Сюнь Юйци уходит, Июй запаниковал. Словно боясь остаться с чужаком, он вскочил с кровати и ухватился за брата:

— Куда ты? Не оставляй меня здесь!

— Брат, не бойся, — успокоил его Сюнь Юйци. — Учитель — самый добрый человек, он просто хочет с тобой поговорить. Все будет хорошо.

Сказав это, Сюнь Юйци вышел и закрыл за собой дверь.

Раздался легкий стук, дверь плотно закрылась, и в комнате воцарилась абсолютная тишина.

Июй, словно перепуганный кролик, поспешно забрался обратно на кровать, забился в угол и натянул одеяло до самых глаз.

Наблюдая за этой сценой из призрачной иллюзии, Дунфан готов был расхохотаться во весь голос. Великолепный, статный господин Воци, которого вдруг приняли за развратника — от этой мысли Дунфана разбирал смех.

Но не успел он посмеяться, как нефритовый ларец тряхнуло. Поскольку под ним лежал другой свиток Лунцзя Шэньчжан, служивший мягкой подстилкой, сам Дунфан не пострадал, но его красивое лицо с размаху приложилось о крышку ларца.

Нос пронзила острая боль. Если бы Дунфан сейчас был в человеческом обличье, из глаз наверняка брызнули бы слезы. Смех оборвался, и он принялся мысленно поносить Цзычэ Уци последними словами.

Цзычэ Уци, сам не зная почему, слегка встряхнул ларец в руках, а затем бережно поставил его на стол.

Июй, вцепившись в одеяло, выглядывал лишь парой глаз. Эти черные, блестящие глаза внимательно следили за каждым движением Цзычэ Уци, несколько раз задержавшись на ларце.

Заметив взгляд Июя, Цзычэ Уци сказал:

— Он мой.

Что ж, это были не первые слова, сказанные им в подобном ключе.

Июй поспешно отвел взгляд и прошептал:

— Ты... о чем ты? Я не понимаю.

Цзычэ Уци продолжил:

— Знаешь ли ты, что среди восьми небесных существ Тяньлун есть огромная птица, именуемая Гаруда?

Июй поспешно замотал головой:

— Не знаю.

А вот Дунфан знал. Гаруда — это птица, чей крик полон скорби. Говорят, она питается драконами, но на самом деле это не настоящие драконы, а ядовитые змеи. Поедая сотни змей в день, Гаруда в конце концов накапливает столько яда, что он становится губительным для нее самой. Перед смертью птица улетает на вершину горы Цзиньганлунь, где самовоспламеняется, сгорая дотла. Все ее тело превращается в пепел, и остается лишь сердце цвета чистой лазури.

Дунфан с недоумением посмотрел на Июя. Цзычэ Уци не из тех, кто болтает попусту. Упоминание Гаруды явно что-то значило.

Дунфан не мог поверить в происходящее: неужели Июй действительно мертв, а в его тело вселился дух Гаруды?

Поскольку уровень совершенствования Дунфана был слишком низок, он не мог определить, настоящий перед ним Июй или нет, и это сильно усложняло дело.

Цзычэ Уци спросил:

— Где твое сердце цвета чистой лазури?

При этих словах лицо Июя изменилось. Он отбросил одеяло и одним движением спрыгнул с кровати.

Двигался он легко и грациозно, совсем не как больной, хотя лицо оставалось мертвенно-бледным.

Июй произнес:

— Господин Воци, какой бы силой вы ни обладали, вы всего лишь человек, чье восхождение сорвалось. Советую не совать нос в чужие дела. Это тело теперь мое, не смейте мне указывать.

Столь резкая перемена, произошедшая быстрее, чем переворачивается страница, доказывала — это точно не Июй. Дунфан подумал: неужели Цзычэ Уци угадал, и в теле Июя действительно заключен дух Гаруды?

Цзычэ Уци ответил:

— Не беда. Пусть мое восхождение сорвалось и я подорвал здоровье, но твое истинное тело уничтожено, а сердце лазурного цвета утеряно. Если мы сойдемся в лобовой схватке, ты мне не соперник.

— Ты... — Июй расширил глаза, лицо его исказилось от ярости. — Хорошо, хорош же ты, смертный!

Когда Гаруда сгорел, его истинное тело было уничтожено, и по идее должно было остаться лишь лазурное сердце. Но так вышло, что в момент гибели он наткнулся на только что остывший труп — тело Июя.

Гаруда не хотел умирать, поэтому совершил переселение души, оставив прежний облик и вселившись в тело Июя.

Мгновение назад он пылал гневом, но вдруг изменился в лице и улыбнулся:

— Мы видимся впервые, к чему эта вражда? У нас нет ни старых обид, ни новых счетов, почему бы нам не стать друзьями?

Не давая Цзычэ Уци вставить и слова, он продолжил:

— Пусть мое истинное тело уничтожено, а лазурное сердце пропало, я все же куда способнее тебя, смертного. Я знаю, что ты ищешь тело одного человека, но, к сожалению, его расчленили, не так ли?

Говоря это, он бросил взгляд на сверток, висевший за спиной у Цзычэ Уци — там была отсеченная рука Дунфана.

Июй продолжил:

— Ирония в том, что, вселившись в этот труп, я случайно услышал кое-что. Хочешь знать?

Цзычэ Уци нахмурился:

— Говори.

Июй усмехнулся:

— Куда ты спешишь? Я могу рассказать, но у меня есть просьба, понимаешь?

Цзычэ Уци снова нахмурился, и Дунфан мог поклясться, что это был признак его нетерпения.

Июй заявил:

— Мое лазурное сердце украли какие-то невежды. Ты pomoжешь мне его вернуть.

— Ха, — холодно усмехнулся Цзычэ Уци. — Я всего лишь смертный, боюсь, я не справлюсь с тем, что не под силу даже самому Гаруде.

— Ты... — глаза Июя округлились от ярости, он был в бешенстве.

Дунфан заметил, что талант Цзычэ Уци доводить людей до белого каления воистину уникален.

Июй прошипел:

— Ты специально меня унижаешь, да?

— Если ты настаиваешь на такой мысли, я ничего не могу с этим поделать, — бесстрастно ответил Цзычэ Уци.

Гаруда, потерявший и истинный облик, и свое сокровище, несмотря на высокомерные речи, на деле был слабее Цзычэ Уци, поэтому ему и требовалась помощь.

Июй проглотил обиду и процедил:

— Ладно. Признаю, сейчас я хуже смертного. Я лишился всего. Но я не лгу. Я слышал от твоих учеников, что ты в спешке отправился к Небесным вратам Тридцати шести, но вернулся ни с чем. Я действительно кое-что знаю. Захочешь ли ты сотрудничать — решать тебе, смертный.

<http://bllate.org/book/18938/1855721>